

Роман БРОДАВКО

Свет в судьбе

Исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося режиссера, драматурга, историка театра — Народного артиста СССР Василия Степановича Василько. Сегодня его имя носит Одесский украинский театр, и это во многом спасло это имя от забвения. Увы, память о скольких замечательных людях в истории отечественного искусства, которая не получила поддержки со стороны общественности или потомков, оказалась либо стертой, либо отнесенной на задний план. К счастью, Василий Степановича это не коснулось. Василько заслуживает того, чтобы о нем вспоминали, чтобы к нему обращались. Эти заметки — память моего детства и отрочества, в которых был этот красивый, мудрый и бесконечно талантливый человек.

Кто зарежет художника?

Мне было пять лет, когда в Украинском театре с триумфом прошла премьера спектакля "У неділю рано зілля копала" по повести Ольги Кобилянської. Автором пьесы и режиссером-постановщиком был В.С. Василько. Я с мамой был на премьере. Судить о спектакле, естественно, не могу, но помню долгие аплодисменты переполненного зала, не отпускавшего со сцены постановщиков и исполнителей.

Мама знала, сколько труда и вдохновения вложили Василий Степанович и его супруга — режиссер-ассистент и хореограф Юлия Николаевна Разумовская — в эту постановку. Знала, конечно, и том, что после премьеры близкие люди соберутся в гостеприимном доме Василько на Короленко, 10.

Что подарить Мастеру в день его творческого триумфа? И придумала. Недалеко от нашего дома, на Колонтаевской, жил кондитер, который тайно пек торты по заказу. Тайно, потому что всякая "частная" деятельность в пятидесятые годы была под запретом. Мама была с ним знакома и пользовалась доверием у "кустаря-одиночки".

За несколько дней до премьеры кондитеру был принесен эскиз декорации спектакля "У неділю рано зілля копала", выполненный художником-постановщиком Н.С. Матковичем. На нем были изображены Карпатские горы, бурная речка и узкий мостик, на котором впервые встретились главные персонажи спектакля Гриць и Татьяна. Кондитер в точности воссоздал в тесте, креме и шоколаде этот эскиз. Бисквитные горы были увенчаны снежными вершинами из белого крема. Речка была выложена глазурью, а мостик через нее был шоколадным.

В день премьеры торт был уложен в коробку от шляпы, перевязан лентой и тайно доставлен в дом Василько.

И вот послепремьерное застолье. Тосты, смена блюд на столе — и, наконец, десерт. Когда коробку открыли, все замерли, очарованные шедевром кондитерского искусства. По глазам Василько было видно, что этот сюрприз превзошел все его ожидания. Он, как ребенок, любил праздники, любил свой день рождения, по-детски радовался подаркам, был сладкоежкой. И тут — торт, да еще с таким "сюжетом"!

После минутной паузы, вызванной сюрпризом, Василий Степанович произнес:

— Ну, кто зарежет художника?

Кто-то из гостей сказал, что резать нельзя — торт надо сохранить. Но как сохранить скоропортящийся продукт? После нескольких минут всеобщего восторга торт разрезали на кусочки.

Мне, как самому маленькому, достался шоколадный мостик.

Личность и образ

Мне было десять лет, когда Василько, к тому времени уже не работавший в Украинском театре, пригласили на постановку спектакля "Гайдамаки" по поэме Т. Шевченко. Спектакль был посвящен столетию со дня смерти поэта.

Идея перевести поэму Кобзаря на язык театра принадлежала другу и учителю Василия Степановича — легендарному режиссеру Леся Курбасу, который был автором инсценировки. Василько участвовал в первой, курбасовской, постановке. Он помнил все смысловые акценты постановки, все мизансцены, все музыкальные номера. Но с тех пор прошло сорок лет. Многие изменились. Современное звучание спектакля требовало переосмысления некоторых сцен. Над ними Мастер работал не один месяц, стараясь ни в чем не нарушить замысел Курбаса.

За некоторое время до начала репетиций мы с мамой пришли в гости к Василько.

— Василий Степанович работает, — вполголоса сообщила Юлия Николаевна, встретив нас в коридоре. — Не будем ему мешать.

Мы уже собрались переместиться в спальню, как в дверях кабинета появился Василий Степанович:

— Женщины пусть посекретничают, а Рому я оставляю у себя при условии, что он еще полчаса будет сидеть тихо.

Я сидел на диванчике и наблюдал, как Василий Степанович что-то рисовал цветными карандашами на обратной стороне старых афиш. Как выяснилось, это были схемы движения участников народных сцен, которые Мастер разрабатывал задолго до выхода актеров на сцену. Уже став взрослым, я увидел подобные рисунки в замечательной книге Василько "Фрагменты режиссуры".

Василий Степанович не любил словосочетания "массовые сцены". Масса, по его глубокому убеждению, безлика. А народную сцену составляют личности. У каждой — свой характер, возраст, профессия, функция в спектакле. Василько придумывал биографии персонажам без текста, и они всегда выглядели в его спектаклях яркими индивидуальностями.

Мне повезло присутствовать на некоторых репетициях "Гайдамаков". Неизгладимое впечатление произвела на меня одна из них. Василий Степанович разводит финал второго акта. Это был один из кульминационных моментов спектакля, когда доведенные до отчаяния селяне готовы идти в решительный бой против своих угнетателей.

Репетировали на сцене без декораций, с выгорелыми, при обычном освещении. Актеры были без сценических костюмов. Мастер долго объяснял каждому из участников сцены, что ему надлежит делать. Иногда брал исполнителя под руку и вместе с ним двигался по сценической площадке. Наконец, все указания были розданы. Василько дал знак дирижеру — Борису Зильбергейту, достал из кармана судейский свисток, поднес к рту и...

Зазвучала музыка. Сцена пришла в движение. Свыше сорока человек двинулись в заданном ритме. Создавалось впечатление, что на зал движется огромная масса людей, которая, как штормовая волна, способна снести все на своем пути. Это было подлинным волшебством театра. Надо ли говорить о том, какое впечатление производила эта сцена в спектакле, когда движение происходило на фоне декораций, с использованием сценического света!..

После премьеры Василько обязательно обходился всех участников, включая работников постановочной части, и лично благодарил за работу. Была еще одна форма выражения его личной признательности: на бланках с титулом "Народный артист СССР В.С. Василько" он писал благодарственные письма своим коллегам. У некоторых сотрудников они хранятся до сих пор.

Через год после "Гайдамаков" Василий Степанович поставил в Украинском театре "Урюм-реку" — он был и автором инсценировки известного романа В. Шишкова. И вновь — наряду с глубоким психологизмом характеров героев — зрителя покорило его мастерство в постановке народных сцен.

Я пришел на службу в Украинский театр, когда Василько там давно не работал. Но как часто вспоминали работники театра его требовательность и принципиальность, уважительное отношение ко всем и глубокому культуру! Сколько режиссеров выпускали спектакли, не удосуживаясь поблагодарить за работу тех, кто внес свой весомый вклад в их постановку. А Василько не забывал об этом никогда! Для него работники театра никогда не были безлики — так же, как и образы в народных сценах.

Чудо инсценировки

В детские годы я не задумывался о том, как повести и романы превращаются в пьесы. Более того, до одиннадцати лет я и оригинальные пьесы не читал — думаю, что не я один...

Лето 1961 года мы проводили вместе с Василием Степановичем и Юлией Николаевной на даче на Большом Фонтане. Утром, когда мы с мамой уходили на пляж, Василько садился за стол на веранде и что-то писал. Когда мы возвращались, я оставался во дворе, а мама с Юлией Николаевной, стараясь не шуметь, накрывали на стол к обеду. Когда все было готово, Василий Степанович аккуратно складывал исписанные листки в папку и выходил к нам. Из разговоров я узнал, что он пишет какую-то пьесу и называется она "Черевички".

Однажды Василий Степанович спросил меня: — Ты Гоголя читал? — Нет, — честно признался я.

— А хочешь почитать? Это очень интересно. Конечно, я хотел. И Василько дал мне "Вечера на хуторе близ Диканьки" на украинском языке. На полях книги были какие-то пометки, на которые я сначала не обратил внимания. Я буквально проглотил книгу, а когда возвращал, Василий Степанович спросил:

— Ну что, понравилось?

— Очень.

— А что больше всего?

— "Ночь перед Рождеством".

— Мне тоже очень нравится эта повесть. Сейчас я пишу инсценировку по ней. Для театра.

— И все это можно будет увидеть в театре? — Я не представлял себе, как можно то, о чем только что прочитал у Гоголя, осуществить на сцене.

— Надеюсь, что удастся, — сказал Василько. А через некоторое время, когда пьеса уже была отпечатана на пишущей машинке, предложил мне прочитать ее.

С замирающим сердцем я прочитал рукопись дважды. Все содержание "Ночи перед Рождеством" укладывалось в театральные четыре акта, действие развивалось динамично, интересно, а главное — ничего из Гоголя не было потеряно! Я попытался представить себе, как все это будет выглядеть на сцене. Даже примерял образы на знакомых актеров Украинского театра.

Через какое-то время Василий Степанович завел разговор об инсценировке. Конечно, мое "распределение ролей" не выдерживало никакой критики. Но этот разговор стал для меня основой восприятия драматургии как рода литературы. Василий Степанович умел просто и доходчиво объяснить. Конечно, он делал "скидку" на мой детский возраст. Но зато он "зажег" во мне интерес к литературе для театра. С тех пор пьесы вошли в круг моего чтения. И сегодня, читая пьесу, я готов, как в детстве, размышлять и воображать, как все это может выглядеть в спектакле.

А через несколько лет после написания "Черевичков" я был свидетелем рождения еще одной великолепной пьесы Василько — "Испанской баллады" по известному роману Л. Фейхтвангера. В 60-ти страницах — квинтэссенция многопланового исторического романа, удивительно современного по своей художественной проблематике.

Как жаль, что современные режиссеры не проявляют любопытства, не интересуются наследием, которое не утрачивает своей актуальности и художественной ценности. Инсценировки В.С. Василько "Земля" и "У неділю рано зілля копала", "Черевички", "Чеховский альманах", "Сто ночей в ложе из камня", "Испанская баллада" и другие, написанные с огромным уважением к оригиналу, — это не просто талантливые переложения прозы на язык театра, но и интересные режиссерские экспликации. Грех не воспользоваться этим наследием!

Зритель — это профессия

Так считал Василий Степанович — и сам был идеальным зрителем. Это означало, что, приходя в театр, он "отключал" в себе режиссера и предавался стихии театрального спектакля. В смешных местах спектакля он заразительно смеялся, аплодировал. В драматических — его лицо становилось напряженным, чувствовалось, что он активно соперничал происходящему на сцене. Профессионал просыпался в нем позднее, когда он давал оценку спектаклю.

Когда мне было лет тринадцать — четырнадцать, в Одессу приехал на гастроли один из областных украинских театров. Василия Степановича пригласили на спектакль "Шельменко-денщик". Он взял меня с собой.

Комедию Г. Квитки-Основьяненко я знал практически на память. Знал и о том, что Василько ставил ее в нескольких театрах, а кроме того, в разные годы играл Шельменко и Шпака.

Начался спектакль. С самого начала стало ясно, что ни по уровню режиссуры, ни по уровню актерской игры он не выдерживает критики. Актеры "комиковали", заигрывали с публикой, забалтывали текст. Краем глаза я смотрел на Василия Степановича. Он воспринимал спектакль так, словно смотрел "Шельменко" впервые: улыбался, смеялся, аплодировал. Я ничего не понимал: неужели ему все это нравится?

После окончания Василий Степанович пошел за кулисы, сказал какие-то добрые слова актерам, благодарил.

Когда мы возвращались домой, я напрямую спросил, что он думает о спектакле.

— Это очень плохо. Безвкусно. Пошло.

— Но вы же смеялись, аплодировали?

— А что мне оставалось делать? Сидеть с каменным лицом, в то время как на сцене пы-

тались играть комедию? Представь себе актера, который видит мое хмурое выражение — с каким настроением он будет работать. Завтра я встречаюсь с главным режиссером театра и без обиняков выскажу ему свое мнение о спектакле. Но для этого надо иметь неопровержимые аргументы. Как видишь, быть зрителем — это не только удовольствие, но и труд. Это профессия. Главная в ней — полная объективность. Приходя на спектакль, настрой себя на то, что тебе будет интересно. Это — раз. Никогда не прислушивайся к чужому мнению, тем более — сплетням. Оценку ты дашь сам. Это — два. Обязательно досмотри спектакль до конца. Иногда бывает, что первое действие неинтересно, зато потом спектакль приобретает стройность, устойчивый темп-ритм. Это — три. Будь внимателен ко всем компонентам спектакля: режиссура, работа художника, музыкальная часть, танцы, игра актеров. Иногда декорации бывают по художественному уровню сильнее и образнее режиссуры. Даже в малоинтересном спектакле бывают яркие актерские работы. Это — четыре. И главное: помни, что актеры — легкоранимые люди. Иногда — неблагоприятные. И вообще: актеров, всех работников театра надо любить, принимать такими, какие они есть. Если нет любви, не стоит заниматься театром.

Это я запомнил на всю жизнь.

Правда о театре

Наверное, нигде нет стольких разночтений в оценках событий прошлого, как в истории театра. Те, кто пишет о театре, основываются на субъективных источниках: мемуарах, письмах, рецензиях. Когда речь идет о литературе, у нас есть неоспоримый документ — художественный текст. Когда речь идет о музыке, в распоряжении исследователя есть ноты, о живописи говорят работы художника. А театр, особенно — театр докиношной и дотелевизионной поры, это предмет исследований, требующий глубокого знания эпохи, культурных традиций, творчества отдельных личностей. По книгам В.С. Василько "Л.П. Ліницька", "Микола Садовський та його театр", "Театру віддана життя" и его статьям, опубликованным в периодике, можно в полной мере представить себе творчество корифеев и фундаторов украинского театрального искусства XX века. Он был на редкость добросовестным и грамотным исследователем. А его природная скромность зачастую исключала из повествования эпизоды, в которых не последняя роль принадлежала ему самому. Книга Василия Степановича "Фрагменты режиссуры", по моему глубокому убеждению, должна быть переиздана и стать учебником для будущих режиссеров и критиков.

Но сейчас я хочу коснуться темы, которая волновала Мастера большую часть его жизни. Это личность и творчество Леся Курбаса. Сегодня об этом уникальном явлении в украинской и мировой культуре написаны тома. А в начале 60-х годов прошлого века поколение, сформировавшееся в 40 — 50-х годах, о нем было практически ничего не известно. Репрессированный и расстрелянный в годы сталинизма, Курбас на несколько десятилетий был предан забвению. Инерция страха не позволяла людям, знавшим его, предпринять даже робкие попытки вернуть это имя в духовную сокровищницу народа, которому этот художник преданно и верно служил.

Первым это сделал Василько. Он с Курбасом были почти ровесниками, но для Василия Степановича он всегда был старшим. Не по возрасту — по масштабу творческой личности. В начале 60-х годов Мастер задумал, воспользовавшись "оттепелью", собрать воспоминания людей, которые работали с Курбасом, учились у него. Он стал одним из авторов и редактором книги.

Одно из моих отроческих воспоминаний. В доме Василько готовятся к приезду "Вали" — Валентины Николаевны Чистяковой, жены Курбаса. Она была его Музой, играла во многих спектаклях. После гибели мужа жила вместе со свекровью в Харькове. Преподдала в институте.

И вот Чистякова появилась. В пожилом возрасте она была красива и на редкость женственна. Тонкие благородные черты лица, прямая стать, ясный взгляд... Василько и Валентина Николаевна вспоминали молодость, в которой было так много хорошего и трагического. Запомнил только одну ее фразу: "Спасибо за все, что вы сделали для Леся Степановича. Кроме вас, этого сделать не смог бы никто".

Через несколько лет книга вышла в Киеве в урезанном виде. Бдительная цензура прошла по тем страницам, в которых шла речь о нравственных качествах Курбаса, о его работе с еврейскими труппами. Тем не менее, и сегодня книга поражает глубиной взгляда на творчество Курбаса. Труд Василько не потерялся среди других исследований и остается важным и интересным для тех, кому интересен Прометей украинского театра.

Василий Степанович и Юлия Николаевна были и остаются немеркнущим светом в моей судьбе. Чем старше становлюсь, тем глубже это понимаю. Спасибо им за все...